

Пост и Литургия

Литургические правила Православной Церкви предписывают совершать Божественную Литургию после Вечерни в определенные дни поста. А именно: в четверг и субботу Страстной Седмицы Великого Поста, вечером накануне Рождества, Богоявления и праздника Благовещения. Как и Литургия Преждеосвященных Даров, она всегда служится после Вечерни. Как мы помним. Типикон предписывает определять время для совершения Вечерни, ориентируясь на заход солнца, но не в определенные часы дня.

Всем уже давно известно, что это правило сегодня стало мертвой буквой, и исполняется лишь формально, таким образом, что не Литургия переносится на вечер, а наоборот, Вечерня совершается утром. Такое нарушение не должно рассматриваться как снисходительная уступка Церкви к "немощи плоти" или как желание сократить время воздержания для причастников, так как в этом случае все правила тщательно соблюдаются, и не может быть никаких исключений для попыток защиты человеческих слабостей. В этом случае мы основываемся на убеждении, глубоко укорененном в современном церковном сознании, что Божественная Литургия всегда должна совершаться утром. Совершение ее вечером большинством православных будет воспринято неслыханным новшеством, гораздо более неестественным и неправильным, чем совершение Вечерни утром или Утрени вечером. Достаточно очевидно и то, что, объединяя Литургию и Вечерню, авторы Типикона руководствовались не просто формальным объединением двух богослужений. Они говорили именно о намеренном перенесении времени совершения Литургии на вечер, о сознательном изменении обычного порядка служб. Еще становится очевидным и то, что неисполнением правила или его формальным исполнением (как перенесение Вечерни на утро) мы совершаем двойное нарушение литургических правил; мы служим вечернюю службу утром, что, по самому "названию" молитвы, является противоречием в обычном смысле, но более того, мы при этом полностью игнорируем причины, по которым Церковь предписывает совершение Литургии в определенные дни вечером, а не утром. Возможно, если мы внимательно изучим эти причины, то увидим в них нечто более значимое, чем обычные детали правила, нечто давно забытое, но очень важное для понимания нашей литургической традиции.

Самое общее объяснение мы можем найти в 8 главе Типикона в следующих строках: "в воскресенье Литургия совершается в начале третьего часа (9 часов утра), при этом пост оканчивается в начале четвертого часа; в субботу Литургия совершается в начале четвертого часа, при этом пост оканчивается в начале пятого часа; в меньшие праздники и другие дни совершается в начале пятого часа, при этом пост оканчивается в начале шестого часа". Мы видим определенную взаимосвязь между временем (*kairos*) совершения Евхаристии и предшествующим постом. Этот "евхаристический пост" может быть длиннее или короче в зависимости от значимости дня, в который совершается Литургия. Само собой разумеется, как обозначено в Типиконе, что Божественной Литургии предшествует строгое воздержание, поэтому общий смысл указанных выше пояснений заключается в том, что чем раньше совершается Литургия, тем короче период воздержания. Давайте при этом отметим, что наша нынешняя устоявшаяся практика в корне противоречит этому правилу: мы привыкли думать, что поздняя служба больше "подходит" значительному празднику, а ранней "достаточно" для обычного дня. Предписания Типикона, на первый взгляд, могут показаться реликтами некоторых древних монастырских правил, которые

остались по необъяснимым причинам и просто переписываются из одного издания в другое. Но если мы попробуем "перевести" эти сухие предписания, то мы обнаружим богословское объяснение поста в тесной взаимосвязи с Литургией. Осознав это, можно идти дальше к пониманию того, относится ли эта взаимосвязь к обстоятельствам жизни в прошлом и объясняется ими, или является частью Традиции, связывающей нас всех вместе. Для этого нам нужно понять, что эти предписания объясняют саму суть поста, его живой опыт, происхождение которого описано в Евангелии, поста, принятого Церковью от самого начала. В этих внешне законодательных и почти тривиальных правилах сегодня принято усматривать признаки обычной приверженности обрядам и педантичности, несовместимых с нашим современным "образом жизни", но именно в них открывается глубокое понимание человеческой жизни и ее отношения со Христом и Церковью. Попробуем это увидеть.

По Писанию, фарисеи и первосвященники обвиняли учеников Христа в том, что те не постились (в отличие от учеников Иоанна Предтечи, которые "постились много"). На это Христос ответил: "Могут ли поститься сыны чертога брачного, когда с ними жених? Доколе с ними жених, не могут поститься, но придут дни, когда отнимется у них жених, и тогда будут поститься в те дни" (Мк 2:18; Лк. 5:33; Мф. 9:14). Эти слова указывают на взаимосвязь поста и миссии Христа, что становится невозможным во время радости Его Присутствия. По общему определению, пост - это выражение надежды, состояние ожидания и подготовки. Поэтому Христос противопоставляет Себя Иоанну Крестителю: "Вот, Иоанн Креститель пришел и не ест и не пьет... И пришел Сын Человеческий. Он ест и пьет..." Иоанн Креститель в этом контексте - "тип", символ Ветхого Завета в соотношении с Новым Заветом. Ветхий Завет - это время подготовки и надежды, которое заканчивается с приближением Пасхи. Но Сын Человеческий "ест и пьет" и Его ученики также едят и пьют, и в Евангелии мы постоянно видим Господа преломляющего хлеб с мытарями и грешниками в домах фарисеев и насыщающего огромное количество людей. Во Христе и со Христом открывается и приближается Царство. И в Писании Царство часто представляется как пир, окончание поста (ср. например, Ис. 25:6). По учению Священного Писания, Церковь изначально знает христологический и мессианский контекст поста, который определяет его место и "действие". С одной стороны, Церковь сама является началом, эсхатологическим предвкушением Царства. Жених уже пришел и Его присутствие открывается в преломлении хлеба, в евхаристическом пире, который являет собой сакраментальное предвкушение всей полноты Царства, Брачного Пира. В книге Деяний святых апостолов "преломление хлебов" является основным моментом в строительстве *ecclesia*, мессианской общины (Деян. 2:42). В этом собрании, в *koinonia* нет постящихся: ожидание подошло к концу, Господь грядет, *maranatha*. Он пришел, Он идет, Он придет... Но, с другой стороны, после Вознесения Христа начался новый период ожидания: ожидание *parousia*, второго, торжествующего, пришествия Христа, в исполнении которого "Бог будет во всем". Господь победил и восторжествовал, определил историю "этого мира", которая еще не закончилась, мир ждет завершения и суда. Вся история Ветхого Завета - это ожидание прихода Мессии, а история Нового Завета - это ожидание возвращения Господа во всей Его славе и конец мира. То, что принято и определено Церковью как "таинственное" сейчас, станет очевидным в конце этого мира. Ввиду того, что Церковь все еще присутствует *in statu viae* (в пути) и христиане все еще живут в этом мире, они надеются, ждут *parousia*, молятся и бодрствуют, и никто не знает, когда придет Сын Человеческий. И эта надежда выражается в новом посте, в новом состоянии ожидания.

Это ожидание, эта тоска теперь восполняется, и ответ нашему ожиданию дается в таинстве Господнего Присутствия, в Евхаристическом пире. Живя во времени, в истории, Церковь являет собой победу вечности, предвосхищает торжество Царства, которое "грядет". И этот "пост-ожидание" находит свое завершение в Таинстве, в ознаменовании свершившегося и вечного, таким образом становится настоящим и действительным и первое пришествие Христа, и Его *parousia*. Поэтому пост и Евхаристия, так сказать, два торжествующих и необходимых полюса в жизни

Церкви, провозглашение двух существенных антиномий ее природы: предвкушение и обладание, полнота и рост, эсхатология и история.

Такое понимание даст нам ключ к "техническим" правилам Типикона, наполнит их духовным значением. Они выражают основополагающее литургическое правило о несовместимости Евхаристии с постом: Евхаристия не может и не должна совершаться в день поста. Являясь таинством присутствия Христа, Евхаристия - это пир Церкви, и более того, Евхаристия - это Церковь на Пире и, следовательно, мера и значение всех пиров. Так как пир - это не просто "напоминание" о том или ином событии земной жизни Христа, но именно действительность Его присутствия в Церкви через Духа Святого. И поэтому, каким бы событием или личностью не ознаменовывался пир, это ознаменование предстает во всей полноте только в Евхаристии, в "таинстве", которое переносит памятование в действительность. Евхаристия связывает все отдельные события, всех святых, все богословские утверждения со спасительной миссией Христа. Чью бы память мы ни совершали, какое бы событие мы ни отмечали, мы всегда совершаем открытие - и это открытие происходит в Божественной Литургии - так как все, что происходит в Церкви, имеет свое начало в Иисусе Христе, и все, что в Нем, Им оканчивается, в Нем исполняется. Мы должны здесь отметить, что Православная Церковь никогда не соглашалась с утверждением непраздничной Евхаристии, подобно Римской "low Mass". В течение длительного периода Евхаристия была основной доминантой в жизни Церкви, так как она всегда Пасхальна по своей сути, утверждая смерть Христа и, вместе с тем, проповедуя и свидетельствуя о Его Воскресении.

Следующее утверждение - о длительности поста, обязательно предшествующего Евхаристии, - естественно следует из сказанного выше. Исполнению должно предшествовать предвкушение. С этой точки зрения евхаристический пост - не просто воздержание перед Причастием, он дает первоначальное предвкушение и духовную подготовку. Во время этого поста в духовном его смысле происходит ожидание таинственной парусии (*Parousia*).

В ранней Церкви совершению воскресной Евхаристии предшествовало ночное бодрствование, которое было (и теоретически остается в Восточной Церкви) именно службой приготовления и бодрствования в полном христианском смысле этого слова. И поэтому Евхаристию в воскресенье и в дни великих праздников предписывается совершать в ранние часы дня: это исполнение, конец бодрствования, поста и приготовления. Но в меньшие праздники, в которые не служитя всенощная, Евхаристия совершается поздним утром, и в этом случае утренние часы поста составляют необходимый период приготовления. Такова литургическая жизнь Церкви, которая, в свою очередь, определяет жизнь каждого члена Церкви и построена на ритме предвкушения и исполнения, подготовки и "присутствия". Тогда и правила, которые управляют этим ритмом, перестают быть архаичными и непонятными, но становятся знаками пути, ведущего нас в самое сердце жизни Церкви.

Пост имеет также второе значение, которое дополняет первое, что мы только что рассмотрели. Оно было отмечено и определено в монашеской традиции. Это аскетический пост, пост как борьба против демонических сил, как способ духовной жизни. Происхождение этой точки зрения на пост мы также можем найти в Писании. Перед тем, как идти проповедовать, Христос постился сорок дней, и в конце этого периода сатана искушал Его (Мф. 4:3). В Евангелии мы находим ясное утверждение, что пост и молитва являются единственными средствами для победы над силой дьявола (Мф. 17:21). В страстях Христовых не только исполнилась история спасения, в ней также был решающий момент в борьбе против сатаны, который стал "князем мира сего".

По Библии, через пищу сатана вошел в человека и стал его властелином. Человек вкусил запретный плод и стал зависим от пищи настолько, что теперь на этом держится его существование. Поэтому пост в библейской перспективе - это не просто ограничение в еде и не вид элементарной гигиены. Истинный пост, действительное воздержание, то, что прославляет Церковь в Святых Отцах

- это, по сути, вызов так называемым законам природы и через них самому сатане. Потому что ничто не вредит ему настолько, ничто так не ослабляет его силы, как преступание человеком законов, от которых он стал зависим, которые стали "естественными" и "абсолютными". Без пищи человек умирает, поэтому его жизнь полностью зависит от еды. И теперь во время поста, т.е. добровольно отказываясь от еды, человек обнаруживает, что он жив не хлебом единым. И тогда пост становится отрицанием того, что было "необходимым", действительно умерщвлением этой плоти, которая зависит полностью и исключительно от "непреодолимых законов природы". Во время поста человек обретает свободу, которую он потерял через грех, открывает в космосе царственность, которой он лишился, отвергнув предложение Бога. Пост - это свободное возвращение к выполнению той заповеди, которую нарушил Адам. Принимая это, человек опять получает пищу как Божественный дар, пища перестает быть "необходимостью" и становится так похожа на образ брачного пира, и "есть, чтобы жить" опять становится "жить в Боге". Эта идея поста укоренена в сорокадневном посте Христа, и Его состязание с сатаной является основанием *аскетического* поста, который отличается (но неотделим) от *евхаристического* поста, определяя собой состояние приготовления и ожидания.

Ничто не может лучше показать взаимоотношения этих двух аспектов, или действий, поста, чем Великий Пост и его литургические особенности. С одной стороны, суббота и воскресенье являются днями Евхаристии и "литургически" исключены из постных дней Великого Поста. У них нет никаких отличительных литургических особенностей, указывающих на "постные" дни. Евхаристический пост всегда ограничен ритмом самой Евхаристии, его ограничением является Литургия, в которой соединено приготовление и исполнение. Она совершается и завершается принятием евхаристической пищи. Евхаристический пост в этом отношении - действие самой Церкви, которое отвечает устройству Церкви. Аскетический пост, с другой стороны, это, в первую очередь, индивидуальное, личное достижение в Церкви. Правила относительно этого поста, которые различаются в различных поместных традициях, но сходны в том смысле, что они являются основными показателями хорошо укорененного пути, определенного руководства, но не абсолютного учения Церкви. Эти правила зависят от климата, образа жизни в определенном социологическом контексте, от внешних условий и т.д. Предписание есть инжир в одни дни, а бобы и фасоль - в другие, которое мы сейчас находим в Типиконе, очевидно, не может восприниматься буквально, или рассматриваться в качестве "абсолюта". Здесь очень важно понимать, что евхаристический пост - это пост Церкви, в то время как аскетический - это пост христианина в Церкви. Последнее определяется природой человека, а первое - природой Церкви. Поэтому на протяжении Великого Поста евхаристический пост находит свое завершение каждое воскресенье в эсхатологической полноте Таинства, но аскетический пост не прерывается, так как обширный светский опыт доказывает, что духовные плоды зреют медленно и требуют длительных и непрерывных усилий. Хотя в этом нет никаких противоречий. Монашеский обед в воскресный день Великого Поста будет скуднее по качеству и количеству трапезы, и, тем не менее, это воскресный обед, разговение после Евхаристии и евхаристического поста, который несет духовную радость, что составляет сущность христианского воскресенья.

Невозможно изложить здесь все богословское значение поста, которое описывается и предписывается в нашей литургической традиции. Мы можем только указать на самое важное. Церковь живет на двух уровнях, у нее два "состояния". Она ожидает, но также уже и обладает объектом ожидания. Во времени, в истории она не только "in via" на пути в Царство Небесное, но также и провозглашение Царства. И значения ее жизни в этих двух "состояниях" не отделены друг от друга, не противопоставляются друг другу в радикальном несогласии. Каждое из них основывается на другом и невозможно без него. Вечность не опустошает и не делает абсурдным или бессмысленным время или нашу жизнь во времени, но, напротив, сообщает им вес и настоящую ценность. Церковь наполняет вечная истина с реальностью, которой лишь она одна обладает, вместе с самим по себе бессмысленным течением времени. Ритм Церкви, ритм Евхаристии, которая

совершается и всегда в ожидании совершения, наполняет все смыслом, расставляет все по своим местам. Христиане не могут оставаться безучастными между совершением одной Евхаристии и ожиданием совершения следующей, их "временная" жизнь не пуста, не "умалена" эсхатологией. Именно литургический "эсхатон", который определяет настоящую ценность каждому мгновению нашей жизни, в которой все взвешивается и понимается в свете Царства Божия, в окончательном завершении и значении всего сущего. Нет ничего более чуждого истинному духу Православной Литургии, чем некий суеверный "литургиологизм" или "эсхатологизм", который ограничивает всю христианскую жизнь только причастием и презирает все остальное, почитая "суею". Такая литургическая "набожность" не понимает, что истинное значение Евхаристии в оценке, изменении, понимании бесконечной важности и значительности всей жизни. Евхаристия несет свидетельство Воплощения, и с тех пор она определяется временем, введена во время, сама является временем, и каждое мгновение времени наполнено смыслом, приобретает значительность в соединении со Христом. Действительно, все, что происходит в жизни, большое и малое, перестает быть концом и ценностью в самом себе, иначе в такой изоляции и самоограниченности оно действительно становится "абсурдом". И сейчас, в предвосхищении Царства, все может и должно стать знаком и способом его приближения, "инструментом" спасения мира во Христе.

Поэтому очень важно по другую сторону литургического "эстетизма" или жесткого "рубрицизма" открыть истинное значение литургического времени, которое описано таким простым образом в Типиконе. Здесь Церковь запечатала сокровище своей любви, своей мудрости, своего "практического" знания Бога. Литургию в Церкви нужно освободить от банального "расписания служб" и сделать ее снова тем, чем она, по сути, является: освящением времени и в нем всей жизни присутствием Христа. Только такая Литургия не будет делить жизнь христиан на две, одну - "освященную", а другую - "мирскую", но преобразует ее из одной в другую, превращая само существование во свидетельство о Христе. Христос пришел не для того, чтобы мы "символизировали" Его присутствие, но чтобы изменить и спасти мир Своим присутствием.

Мы должны понимать, что Литургия в Церкви глубоко реалистична, что Вечерня находится в действительной взаимосвязи с отдельным и конкретным вечером, и этот вечер мы как христиане должны провести "совершенно, в святости, в мире и без греха", этот вечер мы должны отдать и посвятить Богу, и этот вечер для нас всегда должен освещать свет другого Вечера, другого Конца, которого мы ждем и в то же время страшимся, и которого мы достигаем в нашем человеческом времени. В Литургии мы осознаем, как, действительно, серьезно Церковь рассматривает время, пищу, отдых, все происходящее, все детали нашей жизни. В мире, в котором Бог стал человеком, ничто не может быть отделено от Него.

Ожидание, встреча, обладание: в этот ритм погружена Церковь и этим она измеряет время. Но есть дни, когда это ожидание достигает крайней "концентрации" - это дни вечерней Евхаристии. Церковь сознательно призывает к ожиданию и приготовлению в полной мере, к посту в полном смысле. День проходит в обычных ежедневных делах, которые заполняют любой другой день. И насколько значительным, каким глубоко "важным" и ответственным становится каждое слово, которое мы произносим в свете этого ожидания, каждый поступок, который мы совершаем! Да, в эти дни мы должны осознать, какова есть, какой должна быть христианская жизнь, мы должны жить, как если бы были бы освещены грядущим! Навечерие Рождества, необычайная тишина Страстной Субботы, дни Великого Поста, когда мы должны готовить себя к пресвятой службе, как все это должно "строить" христианскую душу, вести ее к пониманию Тайны Спасения, к изменению жизни... И когда, наконец, наступит вечер, когда все постные приготовления и ожидания исполнятся в Евхаристии, наша жизнь действительно войдет в Евхаристию, "соединится" с радостью и полнотой Царства.

Поэтому этот "пункт" может и должен стать для нас тем, чем он был для христиан в прошлом - законом молитвы, законом жизни.